

Далѣ, теорія всеобщей стачки, занимающая такое значительное мѣсто въ этой концепціи, также не является продуктомъ идейнаго творчества революціонныхъ синдикалистовъ, въ чемъ читатель могъ убѣдиться изъ главы, посвященной этому вопросу.

Наконецъ, выдвиганіе правового элемента и подчеркиваніе его необычайнаго значенія можетъ быть отчасти разсматриваемо, какъ логическое развитіе взглядовъ, сформулированныхъ у Прудона въ его книгѣ „De la capacité politique des classes ouvrières.“

Эклектичскій характеръ революціоннаго синдикализма не можетъ, слѣдовательно, представлять сомнѣній. Его достоинства и недостатки суть достоинства и недостатки разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ онъ образовался.

Теорія революціоннаго синдикализма, какъ уже было указано въ введеніи, явилась результатомъ кризиса въ марксизмѣ, или, что еще недавно было почти одно и то же, въ международномъ социализмѣ, котораго, за весьма рѣдкими исключеніями, марксизмъ составлялъ все идейное содержаніе. Марксизмъ давалъ стройную схему историческаго процесса, намѣчалъ этапы, черезъ которые должно неминуемо пройти общественное развитіе, указывалъ опредѣляющіе его направленіе факторы и провозглашалъ, что въ силу присущихъ ему „железныхъ законовъ“, оно неизбежно приведетъ изстрадавшееся человечество къ социалистической организаціи общества. Пока марксистская теорія казалась въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, пока жизненные факты не встали въ полное противорѣчіе съ ея важнѣйшими положеніями, социализмъ не нуждался, какъ казалось, ни въ какомъ другомъ моральномъ оправданіи. Социализмъ, по мнѣнію его теоретиковъ и adeptовъ, опирался на непреодолимую экономическую эволюцію, являясь идейнымъ обобщеніемъ, синтезомъ этой эволюціи и, слѣдовательно, съ полнымъ правомъ могъ, повидимому, называться научнымъ, а социалисты могли спокойно относиться къ будущему.

Возникшее въ послѣднее десятилѣтіе ревизионистское теченіе, подвергшее коренному пересмотру теорію Маркса, не преминуло разсѣять эту иллюзію, по крайней мѣрѣ для всѣхъ тѣхъ, въ комъ привязан-

ства въ революціонномъ захватѣ власти, революціонные же синдикалисты видятъ эту роль въ томъ, что меньшинство своей рѣшительностью, смѣлостью и энергіей, увлекаетъ за собою массы какъ разъ для разрушенія власти. Знать была бы умѣстна скорѣе аналогія съ русской идеалистической или „субъективно-соціологической“ школой, которая также придаетъ огромное значеніе дѣйствіямъ меньшинства; но для нея эти дѣйствія заключаются главнымъ образомъ, въ идейномъ просвѣщеніи массъ, въ томъ, чтобы сдѣлать свой идеалъ идеаломъ большинства. Далѣе, наши дѣятели вовсе не исходили изъ такихъ антидемократическихъ предположеній, изъ которыхъ исходятъ революціонные синдикалисты, обосновывающіе своей взгляды на роль меньшинства тѣмъ, что равенства и равноцѣнности людей фактически не существуетъ, и что наиболѣе сильные и цѣнные люди могутъ представлять только меньшинство, дающее массамъ импульсъ, но само не получающее отъ массъ никакого импульса. (См. E. Peugot. Les bases du syndicalisme).

ность къ догмѣ не умертвила живой критической мысли. Стало ясно, что главнѣйшія предсказанія Маркса не оправдались и не оправдаются, что они совершенно расходятся съ объективными данными, добытыми путемъ индуктивнаго изслѣдованія социальныхъ явленій. Таковы „теорія обнищанія“, теорія періодическихъ кризисовъ, теорія дифференціаціи классовъ, знаменитое „разслоеніе“. Можно бы указать также на одно чрезвычайно важное обстоятельство выяснившееся въ послѣднее время, которое наноситъ серьезный ударъ марксову прогнозу, а именно, все большее и большее замедленіе въ экономической эволюціи нѣкоторыхъ капиталистическихъ странъ, стоящихъ на далеко неодинаковыхъ ступеняхъ капиталистическаго развитія. Примѣръ Англіи и Франціи въ данномъ случаѣ является чрезвычайно поучительнымъ. Этотъ примѣръ показываетъ, что социализмъ вовсе не обладаетъ свойствомъ непрерывно развиваться, пока онъ дойдетъ до того предѣла, когда развишіяся въ немъ силы „разорвутъ свою оболочку“. Въ силу условій мірового рынка, экономическое развитіе какой нибудь страны можетъ остановиться прежде, чѣмъ въ ней капитализмъ успѣлъ проявить свои положительныя стороны: концентрацію, пролетаризацію и т. д. (если только допустить, что вообще развитіе его можетъ имѣть слѣдствіемъ эти явленія). Передъ западно-европейскими критическими социалистами встала, поэтому, важная, неотложная задача: подвести подъ социализмъ *новый теоретическій фундаментъ*, найти ему *моральное оправданіе* и указать тѣ силы, которыя могутъ быть движущими пружинами социалистической борьбы. Какое же рѣшеніе получила эта задача?

Нѣкоторые социалисты попрежнему остались формально марксистами, но, въ цѣляхъ примиренія теоріи съ практикой, пытаются расширить марксистскія догмы, стереть ихъ острые углы, ввести въ нихъ болѣе соотвѣтствующее фактамъ содержаніе, однимъ словомъ, влить вино новое въ мѣхи старые. Типичнымъ представителемъ этого направленія является Вандервельдъ и отчасти также австрійскій социалдемократъ Адлеръ. Другіе социалисты, имѣющіе мужество признать крушеніе марксистскихъ „пророчествъ“, увлеченные вихремъ повседневнои борьбы, ничего не сдѣлали до сихъ поръ, чтобы обосновать теоретически свой идеалъ. Сами родоначальники ревизионизма и ихъ послѣдователи, вмѣстѣ съ вѣрой въ марксизмъ, потеряли и вѣру въ самый социализмъ (въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ заслуживаетъ своего названія). Разъ, — разсуждаютъ они, — социальная и экономическая эволюція не совершается по тому плану, который начерталъ Марксъ, то значить, и наступленіе социализма отходить въ туманную даль, въ область сомнительныхъ вѣроятностей. А потому: *движеніе — все, а конечная цѣль — ничто*. Эта точка зрѣнія, противъ которой ополчились ортодоксы, является, между тѣмъ, продуктомъ *чисто марксистскаго* мышленія и основана на марксистскомъ же воззрѣніи, ожидающемъ общественной трансформаціи отъ